

Серы гуси

Автор:

Дмитрий Лобзов

Серы гуси

Дмитрий Лобзов

История вне места и времени. Магический реализм, в которой переплелись пути одичавшего в лесу кота и мальчика, который должен был встретить там конец последних дней. История пути и возвращения домой. Рассказ о человеческих душах, истории последнего столетия и вечности.

Дмитрий Лобзов

Серы гуси

Все персонажи и события этой книги вымышлены, любые совпадения случайны. Если в каких то из описываемых событий или персонажей вы вдруг случайно узнали себя, своих знакомых, общественных или политических деятелей, знакомые по типу географические объекты или исторические события – пожалуйста, спишите это всего лишь на непреодолимые силы природы и цикличность мировой истории.

Моей жене, без которой эта книга бы не получилась

... среди часто вспоминаемых формул [в фольклорных плачах по умершим] –

обращение к стихиям, где, наряду с ветром, песком, землей,

встречается словосочетание “гуся серые”

“Гуся серые. Образы птиц и ветра в причитаниях на Вологодчине”

Пролог

До основания гор я нисшел,

земля своими запорами навек заградила меня;

но Ты, Господи Боже мой,

изведешь душу мою из ада.

Книга Ионы 2:7

Вечером в начале июня птицы начинают петь особенно ярко. Кажется даже, что их юные и свежие летние голоса наливаются красками и внутренним соком. Звуки во тьме пропитаны соком молодых липовых листьев и зеленью взрослых елочек-хвощей. Птицы поют летом так, как никогда. Никому не повторить их песни. Еще пару месяцев назад они вернулись с зимовки в те же места, где и жили, начинали подновлять свои гнезда и устраивать брачные игры, осторожно откладывать первые яйца. И все это проходило под песни. Но вот только в начале голоса какие-то были блеклыми, тусклыми, в них было мало всего. Тона, силы, краски. Выведет, кажется, птица мелодию, поет что-то, но все не то. А вот уже с пришедшим летом, глядишь, надрываются так, что любой, слыша их, остановится. Кто-то просто заслушается, кто-то даже всплакнет.

В сегодняшней вечер птица пела именно так – красиво, заливисто, выводила какую-то свою, доселе не спетую еще никем мелодию. Что ей движет? Почему она постоянно поет? Но нынешнему ее слушателю было на это совершенно все равно.

Эту птицу он услышал уже издалека и старался все время подползти к ней так, чтобы не быть замеченным. Тропинок в этом участке леса не было отродясь, да и он уже много лет их остерегался. Птица не слышала ни шороха травы, ни того, как на соседнее, рядом стоящее дерево тихо залез ее слушатель.

Уши были поджаты, тело чуть подрагивало, спина сокращалась. Зверь почти полностью сливался в сумерках с приземистым деревом. Крона низкая, забрался удобно, аккуратно напротив гнезда. Прыгать, конечно, далековато, но это не беда.

В последние несколько лет он был вполне себе удачливым охотником. Трудно было только зимой и ранней весной. Но выкрутиться можно было и тогда. Только за последнее время (день, два, неделя? – он в этом не разбирался) ему решительно не везло в охоте.

Попадались маленькие лесные лягушки, жуки, всякая дрянь. Зверь не брезговал ничем уже давно. Когда то, в самом начале, когда он попал сюда, от такого рвало наизнанку. Но жизнь закалила. Наконец то повезло и попало что-то вкусное. Наступает лето – не пропадет. Эта птица и стала первым в сезоне везением. После полуголодного сна почти за целый день, силы на единственный точный прыжок были. Главное тут – не промазать.

Песня резко оборвалась. Если бы вы слушали сейчас ее, то очень бы удивились. Птица выводила уже новый мотив и тут внезапно песня пропала, растворилась в воздухе. В вечернем полусумеречном лесу с ветки на ветку метнулась тень, заставшая птицу замолчать навсегда.

Там, где она только что пела песню лету, сидел уже обычный кот. Взрослый, крупный, бурого полосатого окраса, с густой длинной шерстью и белым кончиком хвоста. Ему было около восьми лет, никакой линьки, плечи, как бывает у бродячих городских котов. Встретьте вы его у дверей местного универсама – прошли бы мимо, не заметив, а может быть и купили ему что-то. Кот как кот, только взгляд. Не то чтобы дикий. Что значит дикий? Скорее немного злой, стальной какой-то, словно человеческий.

Полосатый сидел на ветке, нос и морда в мелких перьях. В зубах его была прокушенная голова птицы, а тело ее уже и не трепыхалось.

Хорошо. Птица невелика, но все свежее мясо. Только вот перья. Но это ничего, мы к этому привычны. Нам бы только разгрызть, а там и до косточек дойдем. Полосатый пружинисто и грациозно прошелся по толстой ветке. А вот и гнездо не приметное. Кот огляделся с дерева, прислушался. Никого, ему подобного в лесу рядом не было. Это тоже хорошо. Скинуть добычу вниз или с ней дойти до гнезда? А была не была, в лесу никого, кроме таких же летающих и поющих, но остальные далеко. Полосатый разжал зубы и тушка птицы упала на землю. Сейчас дойдем до ее гнезда и вернемся вниз, там и поедим.

В гнезде пищали птенцы. Большеротые, еще уродливые, может в них всех мяса было и не побольше, чем в певшей, зато перьев нет, кости мягкие. Самое вкусное. Ну да они то уже никуда и не денутся. Летать не научились, вылупились недавно. За вами я уже вернусь попозже.

Полосатый легко спрыгнул вниз и захрустел костями.

Крупный кот поел и пошел в темноте, неслышно переступая лапами. Он жил тут уже не первый год. А сколько еще осталось? Знать бы.

История полосатого. Слезы

Если вам скажут, что у котов короткая память – не верьте. Все знают о ждавшем хозяина Хатико, Белом Биме, собаках, спустя много лет узнавающих хозяев. А что кот? Да тот тоже все помнит. Сытый и залезший на ветку Полосатый еще не дремал. Таращился в темноту, но в лесу было никого. Что-то, наверное, всколыхнулось в памяти. Взгляд дикого кота стал чуть мягче. Конечно, появившись тут враг (а они тут бывали, одни мелкие, но злые ласки чего только стоят), взгляд бы снова стал безжалостным. Полосатый обжил в лесу тот пятачок, который по праву считал своим. Но надо быть начеку. Сейчас было тихо и сытый хищник, свернувшись, смотрел в темноту совсем другим взглядом. Могут ли кошки лить слезы? Если бы могли, то вы бы не узнали недавнего убийцу.

Он не всегда был таким. Вы бы удивились – кот жил в Москве и все было написано на роду там же и умереть. В хозяйской квартире на шестнадцатом этаже на Братиславской. А вот. Знаете, с людьми как бывает? Один миг – потерял все. Сегодня ты имеешь планы на жизнь, а завтра оглушительный крах. А чем кошки то хуже?

Полосатый был совсем котёнком, когда его принесли в семью. Двое людей, пугающих его, совсем еще маленького, большеголового и пищащего своим видом, пытались с ним говорить, держали на руках. Котенок перестал пищать, когда увидел еще человека, выскочившего из дверей в прихожую. Она тоже была совсем маленькой. Так же как и он, еще плохо ходила и спотыкалась. Котенок думать толком не умел, но в его детской голове сложилось – они примерно равны. По возрасту, уму, речи. Она будет его сестрой.

Котенка называли Бусиком. Он рос быстро, лапы выпрямлялись, пушок стал меняться шерстью. Даша (так звали девочку, котенок запомнил на слух, как и свое имя) часто таскала на руках. Мучать не мучила, но и приятного мало. Но он искренне привязался к ней. Котенок понимал – эти большие люди, которые принесли его, это совсем не то. В этом мире у него есть только она, а у нее – только он. Они друг друга понимали. Научившаяся уже почти четко говорить Даша требовала чтобы “Бусика поколмили”, кот, росший быстрее и становившийся подростком, приходил к ней спать. На ребенка не ложился, устраивался в ногах и мурлыканьем давал ей понять, что в общем то, никого в мире так не любит. Наверное, это был один из самых удачных союзов животного и человека.

Вспоминая это, Полосатый, хотел рвать от ярости ветку, на которой сидел. Он не мог плакать как человек, он не любил шуметь в своем лесу. Но в такие ночи мог позволить себе все. Кошачья душа болела. Говорят, душа есть только у людей. Тоже не верьте – да у всех она есть. И в эту ночь птицы замолчали ненадолго, услышав в лесу потяжный кошачий вой. Голос был пропитан болью. Кот по-своему, по-животному плакал.

Старик и мальчик. Утро

Старик вышел на крыльцо. Утро не утро, ночь не ночь. Несмотря на апрель, трава вокруг была еще в белёсом инее. Вроде бы и не север, не арктические края да не вечная мерзлота, да вот уже с подступившей весной все равно – нет-нет, да и заморозок выпадет в ночь, нет-нет, да и снежная каша в мае посыпет. Кой год – место как заколдованное. Но, тут грех чего и жалиться – место тихое и надежное. Спаслись да пришествия дожждаться – самое лучшее место.

Старик обошел домишко посолонь, осмотрел. Домишко то – сильно сказано. Большая часть то его была под землей, там же и пол дощатый, стены бревенчатые, печка сложена. Лестница вниз не стремянкой, а сделана на совесть. Старик строил в свое время много. Попервости, ясно дело, еще пацаном после армии на стройках сам, после стройтрестами по стране рулил, с началом темных времен в России – свою фирмочку заимел. Тоже строил. То дома, то мосты, до аэродромы, то и монастыри.

Старик обошел полуизбушку-полуземлянку. Утро, раннее еще, птицы не проснулись. Лес еще не оперился по весне, чернел в предрассвете ветками на фоне серого неба. Из сосняка за оврагом, с той то стороны, туман валил. Старик зашел за ствол рябины, помочился, перекрестился.

Последний раз, когда строил монастырь (где-то под Вытегрой что ли?) зацепились языками с местным благочинным, по окончании стройки приехавшим на освящение поприисутствовать да пораздавать интервью. Протоиерей из райцентра был тучен, борода редка, голос немного развязен. Такими голосами обычно говорили крепкие спортсмены, приходившие с началом темных времен собирать налоги с фирм. Благочинный, пыхтя, благодарил раба божьего за помощь в постройке, за то, что помогает развивать в области богоугодные дела, а потом уже и сбился на вечную песню, про начало конца, про скорый приход конца времен, про то, что всем каяться пора ибо придет Спаситель, а взять то ему с собой будет и некого. Старик (тогда еще и не совсем старик) слушал высокопоставленного попа вполуха. Такое он уж и слышал по тысячи раз и в брошюрках духовных читал, толку то еще раз переслушивать, да еще и в плохом исполнении. Благочинному он не сильно верил – видел, сколько стройматериала тот себе хапнул налево, а сколько дошло до его строителей. Да и до начала стройки уже пошептался – мол, ты мне завьись по смете материалы да цену на постройку. Поп гавкающим и одновременно слащавым голосом проповедовал своему недавнему бизнес-партнеру, а тот, хоть и не шибко то слушал его, все же да вникнул. Мысль, что все рушится и времена впереди восстают последние, давно уже грызла душу пожилого строителя.

Старик криво усмехнулся, припомнив тот разговор. Сколько лет то уже прошло? Уже и не припомнить. Дети еще не женились, внук не родился. Старик подхватил с земли чурки колотых дров из под не приметного навеса под дубом. Прикрыт чуть далее дома, пока с нужного края не подойдешь – не поверишь, что это дровня, уж очень мастерски прикрыт со всех сторон землей до дерном – так посмотреть, холм и холм.

Хоть и боятся тут некого – никто не ходит. Троп нет, лес тут рубить никто не будет. Место на всю центральную Россию, может быть, одно такое не приметное да безопасное.

Ох ты, Господи. Старик вспоминал это и казалось, что все это буквально вчера. А сколько уже он тут? Прилично в лесу, не первую зиму. Поначалу получал какие-то новости из газет или просто рассказов мужичка из ближайшей деревни – единственного, пожалуй, кто под большим секретом знал, что о том, что он в лесу. Да и то – знал, да не все. Только малую малую часть. Так вот новости прямо говорили о том, что мир летит с обрыва и нет даже тени просвета и надежды на спасение.

Старик не был выжившим из ума дураком и прекрасно понимал, что возможный конец времен и Апокалипсис, все события в пророчествах и самого Спасителя и пророка-богослова Иоанна и ветхозветных святых ждать с одинаковым успехом то можно и в лесном схроне и на семнадцатом этаже столичной квартиры. И в деревне и в центре событий разрушения этого мира итог должен быть одним – конец этого мира, воздаяние грешным людям, воздаяние всем, кто признал и пошел за врагом рода человеческого. И в то же время – спасение тех, кто верил в Бога и чтил его заветы, кто не поддавался искушениям и не впал в прелесть, гордыню и грех.

Нет, он не был и сродни старовременным сектантам, уходящим в пустыни и скиты, считая наивно, что Бог увидит их старания или что через их землянки он пойдет первым и им сие зачтется. Нет, конечно же, нет.

Старик был грешен и каялся в одном своем грехе не раз, хотя и слышал что “Господь прощает тебе”, но не верил. Верил в Бога и вечную жизнь, в воскресение божье верил, а в то, что его простят – не верил. Ну да чего уж там...

Старик спустился в домик. Под землей было и сухо и тепло, только холодная ночь немного выстудила. Печка была небольшая, да все прогревала. Протопил с вечера да закрыл – до утра греет. Хорошо.

Пока он стоял внутри домика, задумавшись о своем, в лесу кое-где похрустывали ветки. Спокойной походкой через лес прошел человек. Выглянул на полянку, где стоял домик. Буквально на пару секунд, скрывшись за деревом. Снова выглянул – высунув из-за дерева неприятное лицо с бородавкой на носу. Старик высунулся из домика тоже на мгновение – что-то показалось ему, что кто-то тут есть. “Хотя брось ты, – сказал старик сам себе мысленно, – откуда? Знает один человек про место, ну да и еще несколько. Сюда просто так не сунешься. Поблазнилось, видать, с утра да спросонья”. И пошел снова внутрь. А неприятный и чужой за деревом только усмехнулся и пошел себе дальше.

Старик же снова спустился в тепло натопленный дом. Завтракать же надо будет скоро?

Жилище было перегорожено досчатой стенкой до половины и оттуда поперек. На три части получается. В самой большой, на две трети, ели, сидели вечерами, да молились. Тут же и единственная икона в углу. Вот тут старик спал там. А в третьей...

Как раз из нее и высунулась светлая детская голова мальчишки лет 10-12, слегка всклокоченная со сна.

– Не проспал я сегодня, деда?

Полосатый. Детство. Пропажа

Котенок и Даша жили душа в душу. Он рос быстрее, но, по-сути, детьми они были оба и не торопились взрослеть. Уже в полгода Бусик вытянулся, стал молодым котиком, а от его шалостей большие люди порой сходили с ума. Залезть по шторе наверх? пожалуйста! Обгрызть цветы в горшках? И это мы

можем. Кот носился по всем двум комнатам, сшибая все на своем пути. Взрослые не раз пытались его приучить к хорошим манерам и задать свои правила, но маленькая двуногая сестра каждый раз спасала. То вырывала у них из рук кота, приближающегося уже в размерах к ней, то криком и плачем, загораживая усатого брата собой, требовала, чтобы их оставили в покое. Это была идиллия.

Все хорошее быстро кончается. Если бы Полосатый был человеком, то он бы точно знал такую поговорку. Она жизненная и работает всегда и со всеми.

Непонятно, кому пришла в голову идея приучить кота гулять на шлейке во дворе. Может быть, даже и большим двуногим, потому что часто их дочь закатывала плач и требовала прекратить прогулку сразу же, как только вышли. буквально через полчаса. Ей хотелось домой к коту, который в это время уже не бесился, а грустно ждал ее, лежа на сложенных ее вещах. Когда эту тупую сбрую надели и натянули в первый раз дома, котенок просто задохнулся от негодования. Что за глупости какие-то? Это вообще что? Для чего? Но после того, как увидел, что в этот раз на прогулку идут все, его берут с собой, они наконец-то не расстанутся, кот обрадовался. Завалился на спину, прокатился по полу, подергал в воздухе лапами от радости. А после сел статуэткой египетской богини Бастет и, склонив голову, стал ждать.

Прогулка прошла хорошо. Девочка не капризничала, шла гордо, крепко сжимая поводок, на котором с гордым видом шел кот-подросток. В его походке было столько величия, столько стати и столько значимости, что прохожие оборачивались. Он шел на поводке так уверенно и воспитанно, как будто это была дрессированная взрослая собака. Чудеса случаются. Такая любовь человека и животного, их искренняя привязанность друг к другу способна творить настоящие чудеса.

Беда пришла негаданно и неожиданно.

Гулять в тот вечер пошли уже ближе к сумеркам. В апреле темнеет еще и не поздно, но и не рано. Во дворе кот нюхал, задрал вверх голову свежий весенний воздух, пахнувший свежей землей и первой зеленью. Двуногая сестра понимала его с полуслова, когда надо было остановиться и тогда кот робко кусал первые травинки с газона, которые, подсказывало кошачье чутье, надо было иногда есть для здоровья. Большие двуногие вспомнили, что что-то там не купили и все вместе вышли из двора. Улица гудела, неслись огромные железные машины, нужно было переходить улицу.

Полосатый поежился на ветке. Все эти понятия – магазины, машины – он потом выучил уже хорошо. Жизнь заставила. Машина – это и хорошо и плохо. Они могут в лепешку давить глупых котов, но под ними лучше не прятаться. Магазин – это в целом то неплохо. Там выживать можно, люди могут что-то купить. Хотя могут и пнуть.

Они перешли улицу на светофоре. Кот всеми силами старался не показать, что он волнуется. Улица с проезжающими машинами наводила на него такой ужас, что живот подтягивало. Прижав уши, оглядываясь на сестру – мол, я не боюсь и ты не бойся, кот выстоял перед светофором, а затем с максимальным достоинством прошел две полосы дороги. Сойдя с асфальта на траву, кот внутренне, с облегчением вздохнул и пошел уже легче. Магазин стоял чуть дальше от дороги, его отделяла площадка с травой и стоянка для машин.

Дальше все случилось быстро.

Откуда-то (как потом узнали родители – сорвалась с поводка и среагировала на кота) на них с бешеным лаем полетела огромная собака. Она была действительно огромной – размерами с хорошего теленка, серая, с большими лапами. Она неслась гигантскими прыжками, успевая при этом басовито лаять. Взрослый схватил Дашу на руки, которая от испуга успела зареветь. А в ту же секунду ее плач взорвался в настоящий крик отчаяния, когда она поняла, что от резкого рывка вверх у нее из рук вылетел поводок, а перепуганный кот резко рванул в сторону, загребая лапами.

Спиной он чувствовал, собака хочет его. Она не побежала на Дашу и ее родителей, а рванула за ним, сразу же повернув. Кот напряг все свои силы. В голове не было ничего, кроме инстинкта самосохранения. Понимал – будет потом непонятно как на душе, он должен был остаться с ней, заступиться. Мелкая же еще, не соображает куда бежать. Но лапы несли его быстрее такими же длинными прыжками вперед. Чутье подсказывало – с взрослыми она в безопасности, а вот за ним – большая серая и воняющая псиной смерть.

Железная ограда, втиснувшись между прутьями, кот спустя пару секунд уже услышал, как собака злобно рычит. По звуку стало ясно – стоит, не бежит. Кот обернулся – чуть вдалеке она стояла, неспособная пролезть через ограду. А он в безопасности.

Только вот рядом уже не было любимой сестры, а главное – неясно куда идти и что делать дальше.

Старик. В поиске знаменья

Жили они там уже и не первый, да и не второй год. Старик, чудивший с каждым годом все больше и больше (как по крайней мере казалось его сыну с невесткой – родителям мальчика) давно уже нашел место, где можно укрыться и спрятаться в преддверии страшного конца мира. Он практически не нудил и не ныл, никому своих идей не навязывал. Строительная фирма его худо-бедно, да работала, сына он посадил там директором, чтобы деньги шли хоть потихоньку, да все на хлеб хватало.

Сам же мотался по областям. Дома говорил – заказы ищет в соседних регионах, подряды какие то предлагают, надо бы объекты смотреть. Сам же искал местечко поукромнее. Нашел тут, удивительно близко, от Москвы то всего часов пять на все про все на машине. Опять же, помог случай. Благодчинного вологодского, с которым монастырь вместе строили встретил под Москвой. Поперло вверх его спустя время, перевели в Подмосковье и взяли секретарем епархии. Запросил, заблажил, да затащил тот старика в гости. Квартира в Люберцах богатая, хоть, говорил бывший благодчинный, далеко от места службы, да зато к столице близко. Выпили по рюмке, посудачили, да чего там обсуждать – схема работы одна. Ты считаешь, в смете пишешь столько, в стройке кладешь столько. Вот тебе за подряд, вот мне за заказ. Тут то тема и яйца выеденного не стоит.

– А вот, – приблизился бородой к уху старика протоиерей, – тема есть, ты то дядя не болтающий лишнего, значит для тебя.

Начальственный поп сбился на шепот, хоть за столом на кухне и во всей квартире сидели они только вдвоем.

– Надо бы домик подновить моему епископу. Я с того себе брать ничего не буду, он сам с тобой расплатится. Там по мелочи. Тут недалеко, за Переделкино. А

заодно, еще один домик. Только про то болтать не надо.

Работу сделали быстро. Первый именно дом. Владыка расплатился наличкой и дел с лихвой. Во второй домик старик шел сначала один. Посмотреть, да посчитать, понять. Насколько он понял, в доме долго никто не жил, сейчас туда уже заехал постоялец и дом нужно подремонтировать, привести в лучший вид. Протоиерей дал короткий экскурс по ситуации, сказав, что ежели проболтается – отпоет заживо, а владыка еще и со своей стороны порешает.

С его слов, в домике уже живет и будет жить один известный старец. Его епископу он честь оказал тем, что жить будет на его участке. Старец почетный, сам премьер к нему ездил за советом как реформы проводить и куда карьера повернет. Так что тот в почете у власти. Таким макаром и его с епископом вверх поперет. Епископу белую шапку митрополита авось дадут, ему самому – уже свою епархию. “Ты то уж не подведи, дружище, – страстно шептал в ухо протоиерей, – да не лезь к деду с вопросами. Ему девяносто лет, он пока что его спрашивают расслышит – уже устает”.

А старичок оказался вполне вменяемым. Старик-строитель лишнего не спрашивал. Работы было немного, руки не забыли, всю отделку сам быстро и сделал. Старец только следил украдкой как тот работает, да усмехался в длинную белую бороду. Под конец работ то и разговорились. Дед мировой был – сначала войну, потом в монахи, а потом чуть успел и за проповедь и лагеря сталинские прошел, при Хрущеве как диссидент сидел, потом по скитам все ездил, служил, схиму принял. Как его вывезли к Москве да карьеру на нем делать умудрились – никому не понятно было. Да и он усмехался только – мол, что поделывать, пусть так и будет, раз Господь попустил.

Строитель тут то ему под конец знакомства и выложил все, о чем мыслью мучился последние годы. Мол, мир рушится, все скоро упадет, спрятаться бы надо.

Старец только усмехался в бороду свою длинную да белую, слушал.

– Брось ты, – сказал только. – Ко мне вот прутся все да прутся. Вчера вот ты уехал, ночью министр приехал какого то развития. Ты то думаешь, они

неверующие, а у них столько грехов на хвосте, что не верить уже нельзя. Вот тот тоже все боится, что времена последние. Хочет бежать, я ему сказал, что в Палестине то на Божьей земле царствие небесное да будет. Обещал через МИД решать чтобы там войны не было, а потом себе и мне по участку там купить. Видал, дурень то какой?

Старец хрипло посмеялся.

– Ну да и времена ныне грядут так себе. Конца времен ты не увидишь, но коли места ищешь поукромнее, я тебе подскажу.

Вот и навел старец на место в соседней с Москвой областью. По словам его – место зело странное. Зверь лесной опасный обходил его. Местные деревни еще в перестройку съехали в города и лесом заросли. Уж очень оно удобно расположено и укрыто от всех. Думал старец когда то там скит свой строить, да вот ни сил уже и годы выходят. Но когда собирался – позаботился. Духовник его из области сделал по бумаге этот лес зоной, где рубка запрещена, лесничим туда ходить было заказано. На карте одно, по факту другое.

– Место то хорошее, – сокрушался старец, – скит бы там был, ох! Ни паломников, да ни туристов. Благодать одна. Одному, может с несколькими братьями был туда уйти мне, да и конец жизни душу спасать. А я тут в Переделкино с вами. Позавчера полицейский начальник приезжал исповедоваться, сколь убил он. Что мне с ним делать? Вот и ты уж тогда как надумаешь – там и живи, раб божий. Тебе может и нужнее будет.

На том и разъехались. Местечко то действительно тихое оказалось. Ни души вокруг. Там то и строить сам начал. Свозил насколько мог материалы, рыл, строил, рубил, сколачивал, складывал. Делал приметы по которым пройти туда можно. Рядом погреба сделал – припасы на годы. Все завершил да успокоился. Зажил смиренно, оставалось ждать только. Точно знал – знак будет.

Продолжал жить, строил что-то. Брал какие-то госзаказы с откатами по старым знакомствам – ну там, школы всякие, больницы, мелочевка. Божьи дома как то больше не попадались, хотя строить их стали все больше и больше. Да и что поделать? Время идет, строителей становилось все больше и больше. Новых, молодых да зубастых.

Проходила уже и так ушедшая жизнь, годы текли вместе с силами, заканчивались смутные и неясные десятилетия.

Сельский приход

Вообще бы стоило в колокола бить. По уставу колокольного звона при погребении положено. С семинарской скамьи заученное наизусть и потом за ненужностью забытое внезапно всплыло в памяти. Как там? При несении усопшего на отпевание в храм совершается скорбный перебор по одному разу с малого по большой колокол с ударом во вся, а при внесении в храм – трезвон. После же отпевания и при выносе усопшего из храма, снова перебор, оканчивающийся трезвон.

Когда еще он не окончил семинарию, но уже был в иподиаконском чине, служа с митрополитом в кафедральном соборе службы, он очень ответственно относился к распорядку, зная назубок что за чем должно идти и в каком виде.

Колокольного звона это вот тоже касалось. Вот и сейчас бы следовало бы устроить колокольный звон по всему уставу. Хотя и повод то не самый веселый – отпевание как никак – но вот не хватало сегодня какой-то торжественности.

Но вот беда то – в сельском храме еще шестнадцатого века постройки колоколов не было. Есть колокольня, но колоколов нет. В двадцать каком-то – местные старухи рассказывали – сняли якобы пионеры на утиль и металлолом. По факту – местные алкоголики-большевики их куда-то хитро определили и пропили миром. При открытии храма заново в перестроечные годы сам секретарь обкома, внезапно возверовавший, пообещал поспособствовать чтобы колокола снова были. Да вот и не срослось. В девяностые деревня начала умирать, а те, что вокруг нее – вымерли полностью и дома там с конторскими зданиями полностью проросли молодым лесом. Кому же нужно тратиться на колокольный звон там, где он уже через пару десятков лет и не потребуются.

Деревня доживала последних жителей. Вот и еще одну старуху принесли. Ее было жалко. Надежда Васильевна, или, как ее звали по селу остальные – просто Васильевна была хорошей опорой в приходе. Убиралась, помогала, постоянно предлагала помощь. Ну да и естественно – была истово верующей. Заранее, как

слегла, исповедовалась, причастилась. Позаповзавчера соборовалась. Домой к ней сходил и соборовал. Позавчера то и отлетела к Господу.

Священник поправил на голове скуфью. Он стоял на пороге прихода и смотрел на Васильевну, ее городских родственников – дети, внуки, да кто-то и еще наверное, несколько сельских старух, старика и еще нестарого мужика Толика. Васильевна принципиально заранее заказала чтобы ее отпели по всему чину. Видя курящих в стороне городских родственников, было видно, что нравится им все происходящее мало – ехать к черту на рога (прости Господи), тащить покойную родственницу в храм, хоронить на деревенском погосте, устраивать тут поминки. Проще было сразу тело в город увезти и оплатить все ритуальщикам. Но, видать, любовь к усопшей на исходе лет не закончилась и последний наказ матери-бабки-тетки-прабабки они решили исполнить. Крикнуть им что ли что тут рядом с храмом не курят? Да Бог с ними, пусть дымят. Одна из покуривших уже женщин-родственниц отделилась от своей кучки и пошла шептаться со старухами. Одна из сельских старух приблизилась:

– Заносим, отец Иов?

Сельский священник махнул утвердительно. Трое мужчин-родственников и Толик подняли бюджетный по виду гроб и понесли в храм.

Мда уж. Колоколов нет. Да что там колокола? С уходом Васильевны и хора теперь не будет – оставшиеся две старухи вообще партию не держат. А диакона у него в этом приходе и изначально не было. Как служить то?

Отец Иов привычно, стараясь выразительнее, читал молитвы и псалмы, ектении и апостолы и за себя и как бы за диакона. Две старухи, являя собой подобие хора, тоже старались как могли. Но получалось у них из рук вон плохо. Старухи оставшиеся искренне вполне утирали слезы по ушедшей в тот мир товарке, в целом, понимая, что разлука то недолга. Городские родственники Васильевны откровенно скучали и на лице их была написана скорее скорбь, чем мука. Толик стоял и хмурился. Насколько было известно отцу Иову, Толик был не самым сознательным, но все же атеистом. Ему было все это скучно и непонятно. Но его арендовали городские, заплатив за копку могилы, погребение, перенос гробы прочее. Поэтому он хмуро стоял, не совсем понимая что происходит и неся свою повинность.

Иов закончил последнюю ектению и хор завел “Вечную память”. Трижды продребезжали два старушечьих надтреснутых голоса и Иов начал читать прощальную молитву. Его начали раздражать унылые лица присутствующих. Хоть и грешно гневаться, но в голосе чувствовалось одновременно и ярость и сила. Он старался прочесть прощальную как можно выразительнее – в уважение к новопреставленной. Дочитав, махнул родственникам и Толику – выносите. Пропел под вынос тела «Святой Боже...» и вышел со всеми на улицу. Нести было далеко на руках – другой конец деревни и чуть по полю по грунтовке к лесу. Гроб погрузили в микроавтобус, специально привезенный из города. Недовольный водитель нервничал, боясь что застрянет, впереди поэтому поехал один из родственников на большом внедорожнике. Иов без всякого предупреждения плюхнулся на заднее сидение машины, потеснив двух женщин.

– Батюшка, а вы тоже с нами? – с испуганными почему-то глазами спросила та, что постарше.

– Мы еще не закончили, – как можно вежливее и спокойнее пояснил Иов

– А-а-а, конечно-конечно, – зашебетала та в ответ, трясая головой.

Тронулись. Газелька вроде бы даже и не застряла. На погосте Иов символически предал тело земле, прочитав над ним «Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущий на ней» и крестообразно посыпав землей. Где вы в конце марта в оттепель уже без снега землю то рассыпчатую возьмете? Глина да грязь, прости Господи. Начал читать разрешительную, махнул чтобы забивали. пропел последние тропари и установил в ногах крест. Его пришлось просить привезти заранее, родственники не понимали, что так надо и все хотели объяснить что мол все провалится, обвалится, они потом приедут и установят красивое и гранитное. Да не приедете вы, дом в наследство тут никто не купит, вы до этого то не приезжали. А может приезжали? Иов тут жил всего не так и долго. Как сослали получается.

Вернулся в приход и не захотел идти домой, засел со светской книжкой в ризнице. Как он понял, родственники Васильевны устроили чисто символические поминки, сами же через полчаса уж уехали, сославшись на долгую и плохую дорогу, работу и дела. Старухи и Толик остались в опустевшей избе и сидели там допоздна. Иов вышел из храма и видел горевшее окно. Прошелся по улице – делать то нечего. Дошел до горевшего окна дома Васильевны. Зашел внутрь – старухи были в подпитии (много ли им надо то?), но больше разговаривали,

вспоминали и усопшую и общие их события в юности и молодости – всю же жизнь бок о бок прожили. Толик полудремал и видно было, что халявная водка преобладала больше всего именно в нем.

– Батюшка, батюшка, – закурлыкали старухи, – садитесь.

Иов присел за стол.

– Покушаете?

– Постное что есть, – уточнил устало Иов. Есть то хотелось, целый день ничего не ел.

– Найдем-найдем, батюшка. Помяните рабу Божью. Она то уж как любила то вас...

Принесли тарелку с чем-то. Даже не стал разбирать и ел. Рассеянно слушал болтовню старух. Пора бы и спать идти скоро.

– Выпьете с нами, баюшка? – внезапно очнулся из пьяного оцепенения Толик

Иов только покачал головой:

– Мне ж нельзя.

– Эх, – Толик вздохнул так, будто это было его личной трагедией. Налил сам себе и выпил.

– Вот я еще хотел спросить, – Толика несло, но лицо выражало довольно искренние эмоции и вопрос в его глазах читался явно без подвоха, – вот такой вопрос у меня. Вот возьмем русалку. Если мы ее стал быть поймали...

– Русалок не существует, – устало перебил Иов, – церковь их не признает.

– Но народные то поверья то признают! – Толик был убежден в важности своего вопроса и уверенно шел в наступление, – вот поймали мы ее значит стерву, ой,

простите, батюшка. Ну вот поймали мы ее и сварили. Что это будет – суп или уха?

Иов не стал даже утруждать себя пониманием того, что это – толикова дурость или стеб. Он привычно и заученно произнес речь о том, что все лешие и русалки с домовыми как таковые не признаются церковью, а если людям что-то подобное является, то это под их личиной просто выступают злые бесы, мелкие и пакостные слуги дьявола.

– Так вот, возвращаясь к твоему вопросу, – усмехнулся Иов в конце тирады, – смотря какую часть варить будешь.

– А ежели всю? – не сдавался Толик.

– А у тебя кастрюля то такая есть?

Это был такой сокрушительный мат, что Толик молча налил еще стопку и хлопнул ее, скривившись и давя уже рвоту подступающую к горлу. Ох, кому то сегодня точно хватит, залит под горлышко, под самую резьбу.

– Батюшка, – еще пьянее проговорил Толик. Видно было, что на более-менее четкое выговаривание слов и слогов в них он тратит последние силы – а вот еще узнать бы... У сямских близнецов душа одна на двоих или у каждого...

Не договорив, он уронил голову на стол и захрапел.

Иов поднялся и аккуратно попрощался.

– Мы тут приберем все, – зашебетали старухи, – сейчас посидим, песни попоем. Наши еще, деревенские старые, по покойникам обычно поем.

Иов постоял на улице на крыльце, глядя в ясное звездное небо. Из избы слышались надтреснутые голоса старух. выводящие старую прическу:

Ой тошнёшенько, да залетите, серы гуси,

Ой тошнёшенько, да на крутую могилушку!

Ой тошнёшенько, да распорхайте, серы гуси,

Ой тошнёшенько, да вы сырую земелюшку!

Ой тошнёшенько, да накатись, туча грозная,

Ой тошнёшенько, да перевалушка тёмная!

Ой тошнешёнько, да росшиби, туча грозная,

Ой тошнёшенько, да гробовую дошшеченьку!

“Язычество, – подумал Иов, – но красиво поют же. Чтоб на хоре у меня так же пели, а?”

Ой тошнёшенько, да дуньте, виньте, буйны ветры!

Ой тошнёшенько, да сдуньте-ко вы полотёнышко,

Ой тошнёшенько, да со лица со бумажного!

Ой тошнёшенько, ты подыми брови чёрные.

Ой тошнёшенько, да ты взведи очи ясные?

Ой тошнёшенько, ты погледди-ко, мила лада,

Ой, тошнёшенько, как нам-то расстатьце не хочетце,

Ой тошнёшеньки, как отойти не подумати!

Ой тошнёшенько, да у сердечных-то детонёк,

Ой тошнёшенько, безо родимой матушки,

Ой тошнёшенько, да не взойдёт-то ведь солнышко,

Ой тошнёшенько, да под сутним под окошечком!

Ой тошнёшенько, хотя взойдёт, да не ясноё —

Ой тошнёшенько, не обогриёт-то детонёк!

Иов пошел в сторону дома. Он жил тут несколько лет, служил священником в сельском приходе. Считался благочестивым.

Полосатый. В поисках

И повелел Господь большому киту поглотить Иону;

и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи

Книга Ионы 2:1

Он ждал. Сидел съежившись и смотрел, как собаку уводит хозяин. Потом он ждал, когда за ним придут. Но на улице было все темнее, а никого не было. Улицы опустели, машин убавилось.

В эту ночь кот ночевал под машиной. Та стояла чуть дальше. Как только рассвело, он вернулся на то же место.

Его должны найти. Кот начал неуверенно мяукать. Раз за разом он подавал голос чтобы его услышала Она.

Но никто не приходил.

Ещё час спустя примерно прошли люди. Побольше его сестры, но не взрослые.

Это школьники шли с утра на учебу.

Увидев мяукающего кота, один из них кинулся комком земли. Он пролетел недалеко от кота. Тот чуть попятился. Кот никогда раньше не сталкивался с людской злобой и был удивлен. Шкурой почувствовал, что наступила опасность. Но что это? Другие дети начали повторять за вожаком и в кота полетел щебень и камни. Один из камней угодил коту в голову.

Бусик со всех лап рванул с места. Под машиной он пытался вылизаться, внутри было больно и горько, а еще и больно голове. Кот пытался держать в поле зрения ещё и площадку, где его должны найти. Видно было плохо. Далеко.

Почувствовав, что опасность миновала, кот снова вернулся. Уже не мяукал, просто молча ждал. Хотелось есть, но кто тут покормит? Кормили его дома, а тут незнакомая улица. Он сидел и ждал.

К вечеру подпитый взрослый, но еще молодой достал сосиски из пакета и покусал одну из них, отдал коту. Тот принял это с благодарностью в глазах, молча. Поел.

Спустилась ещё одна ночь. Ненаевшийся и побитый кот снова не спал. К рассвету в душе шевельнулось – никто не придет.

Он решил не уходить далеко, но пойти искать самому. Кот шел, как он сам думал, к тому супермаркету. Но, бежал он видать, не по прямой. Нашел магазин, но не тот по виду. Хотелось плакать. Он их потерял, они его потеряли. Он потерял Ее.

Кот сел у магазина. Вид его, похоже, был очень жалкий. Сердобольные люди за утро дважды купили ему по пакету дешёвого корма. Он не ел такого, но

выбора не было. Зато пришла сытость.

К середине дня пришли другие коты. Худые, но сильные, грязные. Их было трое и они жили тут.

Вожак, серый с рваным ухом, сначала жестами и звуками пояснил, что кормят тут только их. А дальше они навалились и пришлось из-под них вырываться, бежать, радоваться тому, что уцелели оба глаза, а прокушенное ухо это пустяк. Вырванная шерсть тоже ерунда. Но вот в потасовке слетела шлейка. Она и так то мешала. Но это была память. И по ней бы его нашли. Но это уже было неважно. Молодой кот несся по улице со всех лап. Приходило понимание – его не могли найти, сейчас он пытался найти их сам. Теперь же, несясь в произвольном направлении, кот терял любую надежду найтись.

Остаток дня прятался под машинами, голода не было. Следующий день он снова шел и пытался найти знакомые места.

Кот не знал, что город огромен и заблудиться в нем легко даже людям.

Он шел весь день, но просить еды у магазинов боялся. Почти везде сидели грязные ободранные коты с грозным видом.

К ночи от голода было плохо.

Он заночевал возле баков. Туда двуногие выкидывали мусор в мешках. Стоял ужасный запах, но сил идти не было. Кот прикорнул, не сводя глаз с куриных костей на подложке.

Их принесла сердобольная старушка совсем в сумерках, при этом подзывая кота. Он боялся людей, котов, он не ел е. Дождавшись, что вокруг стихли звуки города и не было никого видимого живого, кот рванул к кучке костей. Он не умел такое есть, но чутье подсказывало, что и откуда отгрызть. Остатки мяса и кожи начали насыщать.

Внезапно в темноте он увидел пару светящихся глаз. Не кошачьи, мельче. Ещё пара, еще, еще.

На кота влетел с прыжка зверёк, чуть меньше его, серый, с мерзким хвостом. Зубы крысы впились в плечо и его пронзило до самого сердца от боли.

Челюсти кота жили отдельной жизнью.

Он резко мотнул головой и хрустнул челюстью на крысиной шее. Разжал и тушка упала. Все произошло за секунду, не больше. Другие крысы, летевшие за первой, проводившей разведку боем, застыли. Кот посмотрел на них взглядом, полным бешенства и безумия. Разорвал, придавив лапой тушку, шкуру на спине крысы и клыками сорвал кусок мяса вдоль позвоночника. Крысы рванули с лаз между плитами.

Кот оттолкнул серую окровавленную тушку и побрел прочь. Спустя квартал его начало рвать.

К рассвету бродячая собака загнала на дерево. Облаяла, долго крутилась, но ушла. У кота не было никаких сил. На ветке дерева у пустыря кот спал целый день. Снов не было. Засыпая, кот понял окончательно – он пропал.

Старик и мальчик. Бегство

Знак пришел. Зима была то теплая, то снежная. Какая-то несуразная, как пальто с чужого плеча. Новый год люди встретили и что-то там загадали, а потом с первых же дней начались военные конфликты и авиакатастрофы по всему миру. А еще чуть позже все новости и прохожие стали трубить о неведомой новой заразе. Вроде как начался мор. Похоже по рассказам было на библейские кары. Сам старик не видел больных и мертвых – на улицы ходить запретили, продукты дети стали ему заказывать к дому. Церкви закрыли, заставляли носить на лице маски тех, кого еще как-то выпускали на улицы.

Старика никто не выпускал. Раз уж вышел посидеть у подъезда, так сразу же подскочили росгвардейцы. Пацанята оказались душевные и вместо штрафа, увещевали уйти домой.

– Вы идите, дедушка, идите.

Старик нехотя потопал. Сам служил когда-то. Понимал – их дело служба. Сам еще давным давно призывался и стоял срочную на вышке. А когда не стоял – учил Устав караульной службы. Однажды увидел, как неизвестно откуда от стены в сторону воли бежит человек. Худой, грязный, несетя, сзади собаки уже служебные. У молодого ефрейтора внутренних войск не было вариантов – рванул затвор, да точно между лопаток. Ох, грехи мои... С тех пор все снился ему тот зэк, не державшийся нескольких месяцев до бериевской амнистии. Когда бы отмолить то убийство тебя?

Все происходившее напоминало начало конца времен. Год дома сидел и все хуже было стариковскому здоровью без свежего воздуха. Дальше только хуже становилось. Говорили про специальные коды или номера, которые нужны всем. Как там было? – рассуждал старик – сделает он то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его.

Завесенело снова, отцвели сначала сливы с вишнями, а затем уже и яблони. Старик все продумал заранее. Упросил детей внука отдать на выходные. Да и просить не надо было – сына увезли, задыхавшегося, в больницу, невестка, как будто заразная, в доме закрылась. Внуку и то радость – деда любил, побыть бы вдвоем, а в такие времена и не доехать ему толком.

Несмышленишу пока и объяснять не стал ничего. Поехал, да по пути вел беседу. Что мир кончается. Что ему то, старику, помирать, но хоть он выживет. Что знамения скоро будут и недетское, конечно, дело в них вникать. Но хоть спасется. Вырастет спасибо скажет.

Стали жить. Пацану хоть и было непривычно и вновь все – печка, колодец, все вокруг в деревьях – чаща глухая, ни тропинок, ни дорог. Ни тебе телефона, ни телевизора.

Зачем он это сделал? Зачем увез мальчика в лес? Бог весть – чужая душа потемки порой.

Старик не был ни оголтелым сектантом и не совсем уж мракобесом. Но тревога в душе его росла давным еще давно, из года в год, множилась и разъедала и сердце и разум его. Он был убежден – то, чего так долго ждали, вскоре произойдет. Читал, сопоставлял, сны порой снились похожие на вещи.

Думал ли он о том, что может ошибаться? Конечно же да. Думал ли он, что осталось ему недолго и случись что с ним, внуку в лесу выживать придется неизвестно как? Что может тот стать там маугли и одичать, а мир меж тем останется целым и будет жить дальше. Тоже думал. Но вот только взвешивал он каждый день свое решение. И происходящее с этим миром не оставляло в душе старика сомнений. Порой он понимал – безумие это, безумие! А если нет? И в итоге решение было принято. Далось нелегко, что и говорить. Каждый раз, готовя то или иное к побегу, говорил себе “Что ты творишь, дурак то старый? Что творишь?” Но стиснув старческие зубы и скрепив сердце – увез. Жизнь продолжалась. В лесу. А что в миру – бог весть.

Полосатый. Дичание

Объяли меня воды до души моей,

бездна заключила меня;

морскою травкою обвита была голова моя.

Книга Ионы 2:6

Дичание проходило небыстро, но заметно. Кот переставал бояться машин и их рева. Другие коты, встречаясь на пути, могли и отступить, услышав его “Шшшшшшшш!” и увидев боевую стойку с ершом на спине. Собак обходил стороной, но в голове уже была мысль, что таким злобным и вечно брехливым тварям можно при желании и впиться когтями в нос. Котенок вырослел не по годам и месяцам, а по дням. Ко второй неделе это был уверенный бродячий кот,

молодой и с грустью в глазах. Он не шел к людям, хотя тем чаще нравился – длинная шерсть не успела скататься, пара колтунов на животе не видно. Глаза умные, окрас красивый. Белый кончик хвоста привлекал внимание.

Хвост он мыл чаще всего. В кошачьей маленькой голове была мудрая мысль – такого хвоста у других котов он не видел. Если кинуться искать, будут звать в помощь других двуногих – найдут по кончику хвоста.

Но люди просто пытались погладить, звали, без толку привлекая внимание. Некоторые кормили. От их угощений кот не отказывался. Отходил в сторону, смотрел, как на землю высыпают сухой корм, выдавливают влажный, кладут кости или кусочки мяса, надкусывают колбасу или сосиски. Смотрел им в глаза с благодарностью. Особо приятным мог и мяукнуть коротко. А затем, дожидаясь их ухода, садился есть. Была возможность унести еду – так и делал.

Пара пьяных у магазина сначала подозвала его однажды, а потом попыталась пнуть под живот. С тех пор кот выбрал именно такую тактику. Не подпускать людей. Если только не свои.

Поиском своих, а именно Ее, своей двуногой сестры, кот посвящал все время.

Он бесцельно шел по улицам и смотрел по сторонам. Он начал ненавидеть этот город – за одинаковые улицы и высокие дома одного цвета, за злых людей, котов и собак.

Кот пообещал себе обойти весь город, но найти свой дом. Он с завидным упрямством шел вперед сколько хватало лап. Заход в тупик, ограды, заборы, он уходил в сторону и со следующего пролета шел в обратном направлении. Никто не подсказывал ему такого приема, но фактически кот прочесывал улицы.

Он не знал расстояний и направлений. Он просто стирал лапы и искал дом.

Ночевал на деревьях, благо были уже весенние и почти что теплые ночи, а теплая шуба в дикой жизни согревала уже не так как дома.

Не сказать бы, что бродячая жизнь была тяжелой. Может быть молодость брала свое и все тяготы переносились легче. А может быть и просто везло.

Кот быстро усваивал уроки жизни – где покормят, в кто обидит, вот собака, которая только лает, а вот в этой помойке крысы наглые. Есть хотелось часто, но что тут поделаешь? Кот выучил несложные правила как добыть пищу и откровенно не понимал многих бродячих котов, которые шатались от голода и смотрели на мир постоянно голодными и безумными глазами.

Вообще, все бродячие коты посвящали свой каждый день с утра до ночи поиску еды и пропитанию.

Полосатый же не ставил это главной своей целью. Хотелось есть – делалась пауза и добывалась еда. Понимал, что тут такой возможности нет или опасно – мог потерпеть до лучших времён. Главное же было – найти дом. Умный молодой кот, живший когда-то в уютной квартире и не знавший этого мира на удивление быстро принял новые условия игры и слился со своим новым миром.

Так продолжалось ещё с месяц. У кота такое понимание времени отсутствовало, дни слились в один, но чувства, что прошло много времени не было. Веры найти свой дом он не терял.

Однажды он бродил весь день по улицам, а ночью упрямо не удавалось найти ничего поесть. Усталый и полуголодный кот уснул крепко-крепко и совсем с рассветом. Он вскарабкался перед этим на кирпичную ограду и устроился так, чтобы в любой момент проснуться и успеть отступить и при этом не упасть во сне.

Но сквозь крепкую (насколько это возможно для кошек) дремоту он почувствовал, как летит вниз. Кот, открыв глаза, в одну секунду попытался зацепить когтями стену, сообразить что произошло. Но получилось лишь увидеть сеть перед глазами и вокруг себя, а затем почувствовать падение на землю в затянувшемся веревочном мешке. Пошевелиться не получалось, в воздухе стоял дух плохих людей и летала опасность.

Старик и мальчик. В то же утро

Из дальнего спального угла высунулась светлая детская голова мальчишки лет 10-12, слегка всклокоченная со сна.

- Не проспал я сегодня, деда?

Старик чуть одернул бороду. Строгости в его виде всегда хватало, но при виде внука теплой улыбки сдержать было трудно. Чуть в сторону и хмыкнул:

- А куда просыпать то? На сегодня пока все вроде и сделано. Да и рано еще.

Старик последние пару лет учил пацана всему, что могло бы того в будущем выручить. Собирать грибы - подберезовики, подосиновики то и дурак отличит, белые всякие. А вот чтобы ложные опята от простых отличить, желчный гриб, сатанинский, поганки все. Показывал - вот, смотри, апрель, сморчки-строчки пошли, их есть можно. Осенью гриб-баран растет, все это есть можно. Ягоды пацан сразу полюбил рвать. То лето сам засушил дикой малины, земляники, чернику нашел, клюкву мочили. Сушили яблоки и груши дикие, терновые ягоды.

Старик учил стрелять, охотиться, ставить петли. Мелкий еще, но ружье держать научился, отбил прикладом плечо, но ничего. Научился ставить петли. Пригодится - думал старик. - Помру, не ровен час, ему тут одному как?

В погребе стояло несколько ящичков тушенки, но ели с оглядкой. Не тянули - тоже ведь свой срок у всего, но и старался старик мясо чтобы было и свежее. Сам ел редко - посты соблюдал, но пацану то и расти надо. Старик поохотился в своей жизни, да и до срочной еще имел значок Ворошиловского стрелка. Так что с мясом, грибами все хорошо было. Огороды тут же в лесу кое-где разбивали, да на зиму кое-что заготовливали или квасили. С молоком то хуже. Его приносил из деревни Толик. Старик платил ему деньгами, которые благо были еще и хватало их по его расчетам надолго. Деревня стояла от их места часах в трех ходьбы напрямки. Толик не знал короткого пути и его поход с пятью литрами молока, творогом и редкими заказами чего то купить туда-обратно оборачивался целым днем. Но так лучше. Старик приплачивал ему за то, чтобы ни одна живая душа не знала о том, что ходит он к ним. А дорогу, тропинками, опушками, краями, когда то показал ему сам. Местный деревенский мужик, оставшийся без работы и живущий городским рынком дважды в неделю, своим огородом и хозяйством, пьющий порой, против не имел ничего. День тратится, но да за нацененное в три, а то и в пять раз денег гарантированно он получал больше чем в базарный

день в городе – там ведь тоже сейчас, людей на улицах мало, гоняют, покупать никто не купит, без документов, кодов и пропусков и не доехать. Не помирать же. Старик, конечно, с чудиной, сумасшедший похоже. Или убийца, скрывается от полиции. Убил кого то, вот и в лесу отсиживается. Хотя тогда почему пацан с ним? Ну да вопросов много, знать бы все это, а так думать – скорее уж и голова заболит.

Старик собирал на стол. Сам по старости уже ел мало, а пацан, любил сам поест, но с утра не любил. Ему бы что слегка пожевать, горячего попить, потом погуляет или дела поделает какие, прибежит и с волчьим аппетитом все проглотит. В душу подзакрался уже надоевший за не первый уж тут год червяк – правильно ли он сделал? Верно ли поступил? Старик украдкой перекрестился – все верно.

Так зачем он притащил его сюда и сам спрятался? Старик не боялся за себя в конце света. Он знал – дорога ему одна – с грешниками в ад. Внук же – ребенок, светлая и добрая душа еще и согрешить не успел толком. Про Бога и его законы знает от деда постольку поскольку и надо знать, вырастет – сам все узнает, что захочет. Старик по себе знал – не тот возраст. Сейчас все в сомнениях, а начни укладывать в голову насильно – только отвернет его сейчас от настоящей правды. Мудрости старика хватало на это и он старался только отвечать на вопросы внука. Тот порой задавал совсем недетские вопросы – о жизни, о смерти, зачем живем. Старик охотно отвечал – где-то по вере, где по опыту жизни, а где просто истории рассказывал. Из своего детства, из жизни, приводил примеры, да и просто случаи – жизнь прожита, есть что вспомнить, хоть есть и то, чего и не хочется вспоминать. За разговорами проходили вечера, особенно долгие зимой, когда и темнеет рано и делать совсем нечего. Надоедало языками чесать – садились за шахматную доску. Старик любил шахматы еще с пионерских школьных лет, собирал в молодые и юные годы вырезки из газет, из книг от руки делал выписки про турниры, ходы, партии, комбинации. Внук порой схватывал на лету, порой настигал деда, делая ему мат. Но тот, конечно, просто поддавался, искусно притворяясь. Шло время.

Полосатый. Плен

не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле

Псалом 101:8

Мало кто знает, а еще и меньше из них помнит о том, как столичные власти в свое время решали проблемы бродячих животных. А может и продолжают сейчас, кто же знает?

Много ли вы видели на улицах столицы бездомных животных в последние годы? Понятно, что не на центральных улицах. Что им там делать? Может быть кого-то и встретить на микрорынках у метро в концах веток. А в спальниках и никого. Кошки примерно сидят дома, собаки ходят по струнке на поводках. Самый счастливый город для животных? Да бросьте! А потеряшки? Встречаются порой – животные же теряются. Да и фото их вы можете найти в расклеенных объявлениях и по интернетам – несчастные хозяева делают порой все, чтобы их найти.

Так куда они деваются? Волонтеры, фонды... Все это ясно.

Но во времена нашего рассказа столичная власть поступала своеобразно. Бродячих животных – решала она – быть на улицах не должно. В конце концов, это не Стамбул и не Афины. Это не Токио и не Каир.

Бродячих собак и кошек отлавливали и от них избавлялись. Нет, конечно, не убивали. Во многом у властей, точнее у людей во власти, при огромном числе пороков оставалось хоть что-то доброе в душе. Но вот содержать их, кормить, лечить, стерилизовать пусть будет уделом идейных граждан. Это дорого и заниматься этим некому. Не дворникам же в конце концов?

Поэтому и было решено массово отлавливать четвероногих и вывозить в леса соседних областей. Кто это придумал – неясно. Чтобы попасть во власть не нужно учиться в школе на пятерки и ходить на биологию, природоведение и слушать родителей. Решение во многом было той же казнью. Только единожды потратиться на транспорт чем ломать голову, как убить такую прорву кошаков и псин. Иными словами, столичная власть как Пилат умыла руки, понадеявшись на то, что кому надо – тот и выживет.

Они и выживали. Часто, спустя годы, охотники рассказывали о диких котках, когда то просто убежавших от людей в чащу или по полю, а когда то и прыгавших на головы с ветки и впивавшихся когтями.

А кто-то и погибал. Чей то питомец, проживший в тепличных условиях жизнь, попадая в лес – совершенно новую для себя среду – терялся и не мог понять, где найти корм, как вести себя, где спать. Порой просто ложился на землю и сдавался. Как ни странно, но лучше к такой смене среды адаптироваться получалось именно у кошек. Может быть от того, что они по-прежнему не одомашнены, в человеку просто спутники, но не домашние животные. А может быть, от того, что природа их наделила большей скоростью, они идеальные хищники, а не сторожа, умны и легко приспосабливаются к среде. Но оставим этот вопрос ученым. если он им, конечно, когда-то и будет интересен.

Именно под такую кампанию по очистке города от бродячих животных и попал Полосатый. В железном фургоне, где его везли с другими котками было невыносимо. Ни корма ни воды им, конечно не давали (ну кому это надо? да и кто этим будет заниматься?). Было тесно, душно, стоял невозможный запах. Человек, зайдя бы в фургон, скривил нос от запахов кошачьей мочи и кала. А кошки чувствовали еще и другое – запах страха друг друга. Под сотню котков всех мастей и возрастов, разных пород и из разных уголков города ехали в одной железной коробке. Мотор ревел, машину трясло, воздуха не хватало. Кошки в страхе мяукали, выли, скулили. Кто-то слабый духом или телом просто забивался в угол и дрожал. Кто-то сильнее телом и характером захватывал место у источника воздуха. Если он понадеялся на свою силу зря – его оттесняли другие – сильнее и больше числом, старше или моложе. Порой за время пути завязывались драки, исход которых был, на самом деле, безразличным – машина все равно редела и куда то ехала, а их все трясло и трясло.

Кот не лез в свалки и к дыркам с воздухом. недолгий опыт на улице приучил его – с толпой диких котков сражаться себе дороже. Победить то каждого отдельно может быть и можно, но толпой задавят все равно. Он не трясся как совсем котенок в углу и не выл в истерике как сиамец на противоположном конце фургона. Старался не показывать страха. От нехватки воздуха, тряски и голода было совсем нехорошо. Воняло внутри фургона так же как от машин в городе, когда их заводят и те уезжают. Только сильнее. От всего этого сильно тошнило. Дымчатую вислоухую кошку рядом рвало.

Машину трясло. Кот просто закрывал глаза, где-то пытался дремать. Чего уже быть начеку? Все и так уже проспал. Нападать на него причин нет, а если другие коты навалятся – шансов отбиться не будет. Если их им и грозит опасность, то хуже уже и не будет. С этим Полосатый дремал, устроившись поудобнее и обхватив тело вокруг хвостом.

Дерущиеся вожаки даже на секунду прервались, заметив спящего кота в этом всеобщем бесновании и бедламе. Но сумасшедшим то как раз, по своим кошачьим меркам, посчитали именно они его.

Старик и мальчик. Воспоминания

Пацан вылез из спального угла, побежал к умывальнику. В баню завтра только. Умылся, сели за стол. Старик помолился, покрестился, пацан сделал вид, ну да и дед его не сильно ругал с таким – подрастет и сам начнет молиться, он то в его годы вообще пионером был, попов в сценках высмеивал да аллилуйю Ленину пел. Как-то, смеялись всем селом, в старших школьных классах над местным парнем. Тот, Петром звали, кажется, был местным авторитетом до войны. Еще первоклашками они смотрели с восхищением на него – гармониста, первого красавца, секретаря местной комсомольской ячейки. Потом четыре года войны читали в газетах о нем всем селом – вот мол, наш земляк героически вышел из окружения под Смоленском и поджег вражеский танк, вот ему дали медаль за наступление под Москвой, вот он получил Орден Отечественной Войны за Сталинград, после которого его сшивали по кускам, вот он расписался на Рейхстаге. Герой Советского Союза! Шутка ли? Ушел добровольцем, еще 18 не было, пришел младшим лейтенантом – весь в орденах и со звездой героя. А через месяц местный герой, наваливший фашистских трупов выше крыши, пропал из села. А еще через полгода прислал письмо родителям, где говорил, что не может больше жить с тем, что загубил столько человеческих жизней, столько людей отправил на тот свет, что не все они фашисты, а как и он – чьи-то дети, ушедшие на войну. Просил родителей не переживать и со словами любви сообщал им, что принимает постриг и теперь он иеромонах Фотий будет. Тогда то директор школы, опережая новость, собрал школьников в актовом зале, прочел им лекцию о народном опиуме, закудившемся в ослабленные войной годы в нашей стране и привел пример – вот, мол, смотрите-ка. Славный герой, на своих плечах принес победу Родине, да и его попы соблазнили. Выпустили тогда стенгазету с антирелигиозной темой, поставили новую сценку, а про героя не

говорили без презрения даже между собой. Вот так-то вот.

Старик разлил по железным кружкам из укутанного чайник настоя – донник тут, мята, малина, иван-чай, ягоды сушеные, вместо чая всякого то. Достал лепешки. Еще теплые, засветло пек, вместо хлеба. Поели, позавтракали.

Пацан пошел погулять.

За него старик не волновался – изучил все вокруг. Тропинок нет, а тому и не беда.

Эх, Петр-Петр, сосед и герой. Старик потом мучался совестью. Он прожил долгую жизнь. В армии приходилось стрелять по людям, а в работе идти по головам. К Богу то пришел поздно, но крепко. Но снились ему в непогоду часто то тот худой зэк, на которого он смело и без сожалений рванул затвор со сторожевой вышки. То герой-односельчанин Петька Климов, которого он боготворил, а потом под общим гнетом и проклинал. Петька был такой же молодой во сне, почему то уже при этом был в монашеской рясе, только на месте наперсного креста болталась Золотая Звезда Героя Советского Союза, а медали сплошным слоем покрывали грудь и плечи как священническая риза. Он играл на своей тульской двухрядной гармонии что-то из “Варшавянки”, местами сбиваясь то на фокстрот, то на песни Ободзинского. После таких снов старик долго не мог заснуть, молился и просил у Петьки прощения мысленно. Ему, спустя столько лет, было ужасно стыдно перед ним. Единственное, чего никогда не вспомнит и не сопоставит в голове старик – насмешливого взгляда Петьки, привычного всем с детства и такого же, только более мудрого и доброго взгляда старого схимника, духовника самого премьер-министра.

А пацан бежал, утопая ногами в мокрой и усыпанной прошлогодними листьями земле. Природа пробуждалась – дышать было легко. Запах оттаявшей земли и нового рождения всегда заставляет жить. Тут на секунду краем глаза уловил движение на уровне выше своей головы. Не птица, точно. Кто-то еще. Может рысь? Да нет вроде, да и нет их здесь.

Внезапно с воем ему на голову свалилось что-то. Зверь, не слишком крупный, мохнатый, но не длинношерстный. За секунду, порвав когтями голову, он пролетел на землю, пробежал и скрылся в чаще. Мальчик успел разглядеть бегущего кота, хвост которого имел белый кончик.

Он потер голову. Жгло. Несколько царапин, глубоких скорее всего. На пальцах было немного крови. Дед как то говорил, что в соседние с Москвой области завозят отловленных бродячих собак и кошек. Некоторые выживают и могут в случае опасности и прыгнуть сверху, если на их территорию покусились. Но вот за все время не было тут таких. Вот тебе и вот. Солнце почти уже поднялось к зениту. Птицы, еще редкие в это время весны, с отравами по времени, но уже щебетали и тоже радовались скорому рождению лета. А сквозь птичье пение мальчик услышал и хруст веток. Раз, другая. Тропинок то почти нет, кто-то и идет напрямик. Залег за поросший мхом ветровал – ага, человек из деревни. Сегодня точно, должен же прийти. Мальчик осторожно, аккуратно перекатился и с другого захода побежал к избе. Пришлый его так и не заметил, пробираясь через дебри.

Мальчик успел забежать.

– Деда, идет этот, Анатолий который!

Старик старался не показывать пацана.

– А ты посиди у себя пока что. Не высовывайся, ну его. А я сейчас. Потолкуем с ним, заберу все, да и вылезай. Ни к чему тебе с пришлыми то пока. Кто его знает, что за жизнь там сейчас пошла?..

А пришлый человек появился уже рядом с домиком. Чуть матерясь шепотом (знал, что старик такого не любит), счищал палкой грязь с резиновых сапог.

– Бездорожье тут к тебе, Федорыч, – обратился он к старику, – еле дошел ведь. Дай дух то чуть перевести. Плюс десять на градуснике, а употел пока лез. Не человек прям а лошадь лядь прежевальского.

Старик махнул рукой – садись мол, показал на корягу-завалинку. Присели. Старик снова махнул рукой, кури мол, мне то что.

Тот достал пачку. Закурил, чиркнул спичками.

Полосатый. В лесу

Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью

Псалом 120

Всех выкинули из фургона на опушку леса. Полный фургон кошек высыпали у леса. Сначала машина свернула с дороги и ее ход стал спотыкучим, ее трясло и подбрасывало. Затем она остановилась. Двери распахнулись и полился свет, а за ним – свежий воздух. Кошки ринулись на выход. Лучше уж бежать куда глаза глядят, чем продолжать сидеть внутри этого кузова. Каждому из них что-то подсказывало – ничего хорошего не будет, если остаться здесь. Полосатый выпрыгнул из кузова тогда, когда основная масса самых наглых и сильных котов выпрыгнула.

Сделал он это вовремя – в машину запрыгнуло двое людей и они начали выкидывать ногами и за шкурку оставшихся кошек. Те кувыркались в воздухе, падали на траву и смотрели непонимающим взглядом вокруг. Машина уехала, а непонимание в глазах кошачьей толпы не проходило. Они были городскими животными, тут же все было непонятным. Воздух был непривычный. Он был невероятно свежий и вкусный. Вокруг росла трава, которую хотелось укусить сразу же. Но они сидели на лугу у грунтовой дороги. Рядом с ними начиналось много-много деревьев, а сбоку вдалеке гудела большая дорога. Не было улиц и не было магазинов, не было помоек и мусорных баков. Откуда брать еду было непонятно. Бродячие кошки в городе все привыкли пить воду из луж, редко из баночек, поставленных сердобольными людьми. Но и луж тут не было. Палило солнце и было жарко. Кошки прожарились еще и в раскаленной машине, надышались выхлопными газами и теперь их мутило.

Полосатый, который не ел уже вторые сутки, а не пил еще больше, держался, но из последних сил. Он прилег, положив на передние лапы голову, часто дышал. Болела одна лапа – сопротивляясь сети, он пытался зацепиться за что-то, ухватил только стену и стесал когти до основания. Лапа уже не кровила, но наступать на нее было больно. Посмотрел на стайку из нескольких котов, стоящих и сидящих рядом с ним. Они сбились в кучку и держались вместе. Они и в машине то пытались взять над всеми верх, гоняли всех от щелей с воздухом и давили особо сильных.

Те поймали взгляд Полосатого и на кошачьем рычании и жестах дали понять – не подходи, мы сами по себе и с собой не возьмем.

Кот отвернулся, несколько кошек рванули бегом в сторону дороги. Возможно, им показалось, что там, где гудят машины снова будет привычная жизнь. Присутствие леса рядом их пугало. Еще несколько котов рвануло по лугу в неизвестном направлении. Бежали и не знали куда. Полосатый инстинктивно пошагал в сторону гудящих машин. Ему повезло – в низинке, недалеко уже от дороги была большая лужа-яма-болотце, заросшая тростником или чем то таким, на него похожим. Вода была чуть противная, но, скорее, больше непривычная. В ней не было городской грязи, пахла чуть какой-то тиной и гнилью. Но была она вкусной и чистой. Главное – лакать с поверхности и не залезать носом и лапами глубже, не ворошить ил. Напившись, идти было намного легче. Наполненный водой живот просил есть намного меньше.

Дойдя до трассы, Полосатый застыл. Разочарование или как это еще назвать? Дорога тянулась по обе стороны бесконечно, машины неслись по ней так часто, что проскочить ее не было никакой возможности.

Да и незачем – за дорогой, между рядами пролетающих машин виднелось точно такое же поле и темнел точно такой же лес. Бежавших в сторону дороги кошек видно не было. Куда они подевались было непонятно, да и думать об это не хотелось. Кот пошел обратно.

Он дошел до места, где их выбросили. Все уже разбежались. На траве лежала только сиамская кошка. Она свернулась клубком и смотрела вперед тупым взглядом. Кот попробовал выяснить у нее – что с ней, что будет делать и даже жестом предложил пойти с ней. Но та просто лежала, молчала и ни на что не реагировала.

Кот дошел до кромки леса. Начинало вечереть и за деревьями было прохладно. Этот новый мир страшил. В то же время, надо было как то выживать здесь. Он не хотел сдаваться. Кот поймал крупное насекомое, прыгавшее по траве. Саранча успела схватить его за лапу жвалами, но вторая лапа ее быстро придавила, в кошачьи челюсти пару раз разжевали и проглотили. Через некоторое время кота мучительно вырвало. Прыгающих и похожих на них лучше не есть. Но что-то есть надо. Побыв в кошачьем желудке всего ничего, саранча не утолила его голода. За деревьями нашлось еще одно болотце с водой и кот, которому было неважно после отпрыгнутой саранчи, с удовольствием напился.

Неподалеку от себя увидел что-то буро-серое. Оно сидело неподвижно и только чуть подергивалось. Если бы полосатый подождал, то он бы увидел, что лягушки тоже прыгают и не тронул бы ее. Но сейчас голод работал на опережение и за секунду уже он хрустел лягушкой. Вкусного было мало, но после нее не рвало, а в животе потеплело. Захотелось спать, да и заходило солнце. Пока он не мог избавиться от полученной при жизни с людьми привычки – бодрствовать когда им светло и с заходом солнца идти спать.

В ту ночь он ночевал на ветках коренастого дуба. Ночь в лесу пугала – просыпался и вываливался из дремы он то и дело, пытаюсь понять – откуда эти звуки. Ходили какие-то мелкие звери, шумели и скрипели деревья, ухали неизвестные ему птицы.

Утром, выспавшись и напившись, кот пошел обследовать местность вокруг дальше. Интересно, но зайдя в этот лес со своего уголка, он не чувствовал запаха других котов. Куда они ушли и что с ними стало?

Кот увидел птицу. Не крупную, но и не мелкую как воробей, с длинным клювом. Сидела практически в траве. Полосатый прижался к земле. Никто не учил его этому, природа брала свое. Все тело кота в эти мгновения стали жить словно сами по себе. Шерсть на спине поднялась. Тело напряглось, задние лапы с силой оттолкнули его от земли и кинули прямо на птицу. Та успела вспорхнуть – в зубах Полосатого, клацнувших с силой друг о друга осталось только перо из ее хвоста.

Было обидно. Пришлось снова ловить лягушек, которых было немало. Они не сильно то убегали, при этом их можно было услышать заранее – они квакали и раздували шею, не обращая внимание ни на кого вокруг. Кот ходил и нюхал землю, кусты, оглядывался. Временами метил территорию, катался по земле. Это было сродни атаке на птицу – то, чему его никогда не учили, но тело начало делать это само. К вечеру он нашел другую птицу – она, бежала довольно быстро по земле, хромя на одну лапу. Кот сделал рывок и прыжок в ее сторону и тут ему повезло – вспорхнуть она успела, но в едином полете соединилась и она и кошачьи лапы, а затем зубы на ее голове. Повинуясь инстинкту, Полосатый грыз ее, разгрызал тело, испачкав всю морду в перьях, а потом закапывал остатки ее в землю. Прикопав, пошел дальше и нашел гнездо, от которого птица пыталась его увести. Уже сытый кот смотрел на них, понимая, что сейчас есть их он не будет, но вернется сюда чуть позже, совсем к ночи. Птенцы же тихо пищали и были беззащитны.

Уже совсем в ночной тьме, доедая последнего из них, Полосатый понял в своей голове – он не знает, как отсюда выбраться и что ему делать. Все его попытки найти дом и вернуться перечеркнуты и он намного дальше от дома чем был. Искать его тут точно не будет никто. Надо что-то делать. Но как отсюда выбраться и что делать дальше кот понять не мог.

Из того, что можно было делать, коту виделись очевидные повседневные дела кота – добывать еду. Изучать местность. Добывать новую еду. Разведывать места. Быть незаметным. Видеть других хищников, крупнее и больше. И опаснее. Не попадаться им и не жить на их территории. Но и не пускать на свою землю всяких мелких ласок и прочую пакость. Не дружил и с барсуками – их было больше и, в отличие от кочующего и живущего на деревьях кота, жили оседло и в норах. Ежей недолюбливал – добыча у них уж совсем разная, но дрянь такая, ничего то с ним не сделаешь. С куницей как то не разошлись. Белки его побаивались, чувствовали запах кота на земле и в его птичьи гнезда не лазили. По крайней мере, так считал кот. А ловить их – самому дороже.

Так и шли годы. Зимой было холодно и более голодно. Но и ко всему привыкают все – что коты, что люди. Это был хищник – беспощадный, хитрый, сильный. Он выжил и не боялся почти ничего.

Время шло. Кот стал совсем другим. Но продолжал помнить.

Не верьте, что память у кошек короткая. Не верьте.

Старик и Толик

– Вишь вот, Федорыч? – обратился, глядя вперед, на старика не глядя – сигареты то по сто рублей стали.

– Нууу? – старик вроде и удивился, а так то ему было и все равно. – Я то еще после армии бросил, ну ее, отраву то. Ты сам то чего, денег говоришь нет, а последние же на сигареты спустишь? Желтый весь уже.

Толик и впрямь выглядел не очень – лицо желто-землистого цвета, щетина отросла, неопрятно торчала в разные стороны, рыжая, почти сливалась с желтушными скулами и щеками.

Он и не обращал внимания на замечания и гнул упрямо свое.

– Раньше я еще “Беломор” курил. Так покупал, потом на чердаке нашел, мать еще по талонам покупала, там три коробки стояло. Докурил их, а году в двенадцатом что ли или в тринадцатом в магазин возить перестали. Покупаю эту то “Тройку”, то “ЛД” эти, то “Яву золотую”. Раньше еще простая была, тоже нет. В городе смотрю целый ларек табачный, говорю, девушка, лядь, у вас папиросы есть? Она мне коробочку железную хрясь, а она двести с хреном. Вот жизнь пошла...

Он закашлялся.

– А ты чего дохаешь то так? – спросил старик

– Да вот хрен знает. Я то подстыл, а так зараза говорят что и в деревню заползла та. Этот как его, вирус, не вирус.

– Слышал я уже про нее, – старик поморщился. – болеют люди, говорят.

– К бабке одной, у меня там через два дома живет, дети приезжали, уехали, та занемогла. Свалилась. Соседка другая к ней ходила, та тоже в лежку. Фельдшерского пункта то нет. Одну скорая повезла, всех по домам. А мне что? Я в город не ездил уже неделю, дома сидел, корова пока не сдохла – работы полно. Тебе вон молока, сметаны принес.

– Заразы то нам не принес? – старик напрягся еще в начале беседы, но только сейчас в голосе начали слышаться стальные нотки старого начальника. Именно с таким стариком когда то и познакомился Толик, внимательно слушавший его, запоминавший условия и молчавший все два года.

– Не! Я ж говорю – с дома никуда. Выпивал, сало с чесноком у меня, зараза не берет.

– Пост ведь, сало то жрать, – старик чуть крякнул, но так, больше для приличия. Чего со своими правилами к другим то людям лезть? Всех не спасти и не каждый верное и нужное слово способен услышать. Старик это понял уж очень давно.

– А мне то что? я ж не верующий. И не хожу никогда. Попа ты нашего видел? Иов! Ему 25 всего то годов, прислали, бороды нет, голосочек девичий. Спросил у него на улице про что-то, тот мне на полчаса зарядил. Что говорил, хрен его знает. А там кто-то и сказал, что мужиков тот любит, был в области у митрополита секретарем епархии. Где-то он что-то не то натворил, понимаешь? Сюда и сослали. Вот тебе и отец Иов. А я не больной. Мне уже пятьдесят шесть! Тебе то больше, но должен понимать – сердце не то уже, сосуды эти или кто там. Давление! Я пока дошел вот и задыхаюсь, вот тебе и вот. Тоже не пацан скакать – по полю сугробы, в лесу тоже, дальше прошел – снега нет, грязь. Весна, тоже мне весна. Что твой отец Иов эта весна.

Он похмыкал. Ему вообще мало нравилась жизнь в родной деревне, в доме, где он родился, прожил младенчество, детство, отрочество и кусочек юности. Вышло уж так – сама жизнь загнала Толика обратно в отчий дом, когда он ощутил, что мало на что годен, что там где он проживал годы зрелости ему плохо, его никто не любит и ему совершенно некуда преклонить головы. И в какой то момент он рванул за успокоением в отчий дом. Утешили тогда хотя бы немного благодарные взгляды матери и отца, доживающих свой век. Утешила тишина и бездействие. Но годы шли упрямо дальше – жизнь в деревне лучше не была. Было горько, когда оба родителя, один за другим, отлетели на тот свет, а есть ли он. Но было понимание правильности и, совсем в глубине души, благодарность жизни и судьбе за то, что именно ему, их непутевому сыну довелось отнести их на погост и приглядеть за холмиками, насколько это было возможно. В память о родителях он не выводил скотину – помня, как мать с любовью встречала каждый вечер корову на выгоне, как разговаривала с поросенком, принося ему еды и сердито для видимости отчитывала глупых куриц. Старался как мог – новых не заводил, но и нарочно животных не гробил. Мог поросенка прикупить и выкормить, чтобы продавать мясо. От стареющей коровы телят новых долго не держал – тоже под нож. Той любви материнской к каждой животине не было, было просто ощущение, что деваться некуда, это его крест. Несет как может, кому не нравится – пусть сам попробует.

Старела скотина, старел дом, гнили бревна в срубе. Покрывались тленом и плесенью его детские книжки, а некоторые шли в печь на растопку. Жалко вроде, а вроде – и нет. Кто уже поймет? Старела вся деревня, понемногу

вымирая – он был самый молодой, а оставшиеся старухи уже совсем глядели в землю. И Толик тоже старел. А сейчас он принес на продажу продукты, пришел забрать деньги чтобы в соседней деревне закупиться. Жизнь казалась ему невыносимо скучной. Он сидел возле странного домика в непроходимой чащобе у странного старика. Курил дрянные сигареты. Хотелось бы вроде и поудивляться всему происходящему, а не было сил. Или желания. Или уже ничего не удивляло. Неизвестно.

– Что твой отец Иов эта весна. – повторил Толик. – И что твой отец Иов вся эта жизнь.

А потом добавил тихо:

– Паскудная, Федорыч. Пидорская какая-то.

Толик. Память

Толик покряхтел. Жизнь ему решительно не нравилась. Он вспоминал разные ее моменты и смену эпох и думал о том, что в общем-то в этой стране она никогда не была и не будет другой. Ему нравилось только, пожалуй, в перестроечные горбаческие годы, когда он учился в городе, потом из химического техникума, где он постигал оборонные секреты пороха и пироксилина, его выгнали, в армию не брали, потому что плоскостопие тогда еще было железным аргументом. Жизнь тогда гремела дискотеками с живой музыкой, исполняемой патлатыми пацанятами, магнитофонами, которые таскали с собой, цепляли на плечо, гремела мотоциклами, а еще первыми доступными жигулями и москвичами, за которыми как раньше не нужно было стоять в очереди. Тогда он, еще учась и живя в общежитии, открыл доходный бизнес, возя из деревни бабкину самогонку и продавая ее сначала однокурсникам, соседям, потом таксистам, сам с рук на вокзале. Тогда он и купил первые жигули-тройку. Хорошая была машина с шестерочным движком, новая почти, красного цвета, с импортными чехлами. Очень вовремя, о ней даже не успели узнать те более серьезные, которые нашли его и за то, что не предложил сам платить долго били его, били, били. До кровавых соплей, сломав ребро и выбив зуб...

- Ладно, Федорыч, пойду.

Старик вынул из камуфляжного бушлата деньги. Толик забрал не считая. Сумку поставил поближе к входу.

- Давай. Седни что у нас? Какой день?

Старик поморщился. За календарем следил, но время тут в лесу стиралось и порой несколько дней скопом календарь он не отрывал, потом спохватывался и с внуком вспоминали, считали и приходили к нужной дате.

- Через пять дней получается. Сам то отсчитаешь?

Толик закивал.

- Ну бывай. Не болейте тут.

Старик понес сумку в домик, а Толик скрылся в деревьях. Проходя через им уже проторенную тропинку и поломанные ветки (лучше всяких вешек, если уж ты по лесу ходить умеешь), Толик заметил краем глаза движение. Подняв чуть выше глаза, он увидел мелькнувшего зверя. Кто такой? Ветки зашевелились, выше пролез здоровый кот.

- Тьфу ты, скотина.

Толик пошел дальше, недоумевая, как в лесной чащобе средней полосы оказался котяра. Ладно бы из деревни сбежал, но его деревня – ближайшая, тут топать и топать. И жрать ему тут что?

Толик вспоминал, как еще школьником был, у него жил любимый кот. Как однажды вечером, пока родители смотрели у соседей телевизор, где в программе “Время” показывали полумертвого Брежнева, он пошел погулять. Вечером буднего дня ребят на улице не было никого, декабрь был холодный. Он обошел деревню вокруг и, направляясь к дому, нарвался на здоровых бугаев из соседней деревни. Что они тут забыли, было совершенно непонятно. Стояли, в

теплых телогрейках Им было по двадцать, а он стоял перед ними четверыми, тринадцатилетний шкет и что-то лепетал, когда те требовали принести им денег на бутылку. Как какой-то из них, сидевший и с наколками на пальцах, хрипя простуженной глоткой в ухо, приобняв за плечи, тянул из него душу, что или трешка или разбитое лицо, как упал в снег от удара. И как потом, прибежав домой, родителей еще не было, плакал в своем закутке, закрывшись одеялом. И любимый серый кот под это одеяло пробрался, мурлыкал, слизывал слезы. А маленький Толик обнимал кота, держал его за умную голову и чувствовал, что все деревенские дружки, одноклассники, пионерская дружина – все чепуха, а лучше кота друга у него еще не было.

Кот тот умер, когда Толик учился в городе и его смерть уже у взрослого и огрубевшего сердцем юноши ничего не вызвала. А вот сейчас, вспомнив внезапно, как будто это было час назад, тот декабрьский вечер, в груди защемило. Стало жалко. Всех – мир, себя, у которого не сложилась жизнь и доживающего век в деревне. Родителей, померших и не увидевших счастья и удачи у единственного сына. И серого кота из детства, который, единственный, может быть, за всю жизнь его не предал и любил бескорыстно, просто по факту его существования.

– Завести себе котенка что ли, – бормотал Толик, пробираясь сквозь ветки. – Или ну его, мороки с ним. Да и хотя бы, поговорить с кем. Сижу в глуши, бабки одни остались почти неходячие, с ними чтоль говорить? Москвичи раз в год приедут, соседи, с ними тоже – как на бича смотрят.

Через грязь и снег тащиться было тяжело.

– Возьму! – твердо решил вслух. – у бабок спрошу у кого кошки, котенка возьму. Пусть живет, много не сожрет.

Толик шел домой, чуть задыхаясь и в испарине и не знал, что котенка он никогда уже не заведет, а тот серый кот в декабре 1979 года так и останется его единственным в жизни котом.

Полосатый и мальчик. Первая встреча

Полосатый бежал по лесу. В этой местности он прибился недавно. Места были непроходимые для людей, как сначала казалось. Не так далеко был и выход к заброшенным полям. По опыту Полосатый знал – тут с весны будет хорошо ловить полевок. Они вкусные. Еще был ручеек, родник с чистой и вкусной водой, которая бежала в болотце. Птицы скоро прилетят и опять же – будет что поесть.

Не то чтобы на старом месте было плохо, но зима заметно подтянула живот, птиц, зимующих тут, стало заметно поменьше.

Место неплохое, казалось бы... На день четвёртый пребывания в новом месте, кот слегка ошалел. Человек. Хорошо, что не на земле нос к носу. Маленький человек шел, иногда припрыгивал, совсем местами по-кошачьи втягивал носом весенний воздух. С момента еще бродячей жизни в городе, к детям кот относился настороженно – у них злобы порой больше чем у качающегося по сторонам взрослого. Ветка сухой и слегка треснула. Ребенок обернулся и в долю секунды кот понял, что сейчас увидит его.

Инстинкты сработали быстрее – Полосатый метнулся с ветки вниз, выпустив когти, попал маленькому человеку на голову, в ту же секунду на четырех лапах уже был на земле и моментально скрылся в голых еще с зимы зарослях. Вот так и перебрался.

Можно, конечно, жить. Людям его не поймать, место то больно хорошее. Но привычки гнали подальше от людей. В места, где будет хозяйничать только он.

В иные времена, выбирая места он видел других зверей – лисицу, енота, еще какой то крупный и уродливый зверь ел какую-то дохлятину. С такими Полосатый предпочитал не ссориться и на их территорию не посягал. На новых местах он искал следы более крупных зверей, хищников, падальщиков и, если и встречал, то сразу уходил по деревьям. Также и он отстаивал свою территорию. Однажды он впервые загрыз и съел белку, разорвавшую его по праву птичье гнездо. С тех пор он выяснил заодно, что эти рыжие и быстрые грызуны очень вкусны.

Кот прошел к оврагу и после бега жадно лакал воду с талого ручья. Сел умываться. Выбравшись из оврага, нашел зарослях ямку, полную прошлогодней листвы. Утоптал лапами и залег. Задремал. Чуть позже снова подскочил – треск

веток. Опять человек. Кот вскочил, нападать с земли нельзя, он просто дал деру, человек если и увидел его, то совсем краем глаза.

Что ж теперь? Искать новое место? Или уживемся как то? Кот карабкался на дерево. Надо поесть, сейчас главное поесть. А потом идти дальше.

Старик. Упокоение

Внегда? призва?ти ми, услы?ша мя Бог пра?вды моея?,

в ско?рби распространи?л мя еси?,

уще?дри мя и услы?ши моли?тву мою?.

Сы?нове челове?честии, доко?ле тяжкосе?рдии?

Пс.4

На третий день после ухода Толика старик занемог. Сперва с утра знобило, а потом начался сухой кашель. К вечеру слег и только просил пацана сделать настоя, командовал слабым голосом, какие медикаменты подать. Уснул, наутро встать уже не мог. То проваливался в беспамятство, то приходил в себя, бодрился сам, пацана бодрил, но понимал – дело его худо. Надо бы уже сажать его и рассказывать по порядку все да как ему в случае чего одному жить. Да и что делать то. Мал еще мал. Даже когда конец времен ,если и придет он завтра, так что же? Пацан и не поймет. Ведь и мертвые восстанут, новый Христос придет. Может отправить домой? Сам да выберется? А что там сейчас? Поди одни мертвые то уже лежат. Все грешники сейчас от кары божией умирают.

– Толик то не пришел, пять дней прошло? – слабым голосом спрашивал старик, да видел он уже сам – не пришел. Не было. Видать и умер алкаш. Видать и умер трудяга. Заразу он то притащил.

А да какая это зараза? Кара. Бог наслал на всех кто грешен. пацан то – душа невинная, бегают себе да хоть бы хны ему. А я то вот и грешен. Зело грешен, раб божий. Старик то просыпался, то засыпал.

Еда не держалась. До ветру сам пытался, да упал. Рвало. Воздуху не хватало. Дышать хотелось. Сейчас бы на улице то лечь, весной надышаться, так бы может и ожил.

Снова проваливался. Снились те же сны. Снился Петька, снился лагерь, где он служил караульным срочную во внутренних войсках. Севуралаг раньше был, как его потом называли... Снилось что Господь пошел по земле наконец то. Лицо, волосы, борода его были вполне себе привычные, канонические, как на иконе Господа Пантократора, на вместо белых одежд или праздничного платья царя Иерусалима, в котором его так ждали, на Господе была засаленная телогрейка с номером на груди, сзади она была порвана и вата торчала и разлеталась во все стороны как архангельские крылья. Позади, не касаясь земли, двигался целый сонм святых – одеты были кто в лес, кто по дрова, кто-то в лагерных рваных ватниках, в засаленном камуфляже и голубых десантных беретах, в кожанках и адидасах, среди них мелькнул и односельчанин Петька, наигрывавший небесному воинству что-то из репертуара “Самоцветов”, как всегда в стариковских снах смешивая “Увезу тебя я в тундру” с военными маршами и мотивами литургических акафистов. За Господом и небесным воинством зацветали подснежники, земля зеленела свежей травой, мертвые откапывались из могил, выбрасывая из-под земли руки с отросшими после долгого лежания в неволе ногтями, выходили и отряхивались, а потом помогали выбраться соседям, родным, упокоенным младенцам, а еще и тем преставившимся, кому при захоронении родные забыли развязать в гробу руки или ноги. Старик увидел себя на самой границе черной и талой земли у их избушки и зелени, которая зацветала за спиной у Господа, ангелов, святых и восставших мертвых. Он потянулся к ним, открыл рот, сказать, что готов и тоже хочет с ними. Господь повернул к нему лицо, оно изменилось, вместо иконописного лица Господа Вседержителя и привычной бородой и волосами старик увидел слегка поросшую ежиком голову и недельную щетину, попытался закричать, узнав лицо застреленного им в 53-м году зэка. Крик был беззвучным. А потом все закрутилось, картинки менялись в калейдоскопе, он полетел в колодец без дна, где миры и явления менялись друг другом за долю секунду, но в каждом из них он успел прожить бесконечность.

А потом разум погрузился в тишину и темноту, а ощущение тела, лежащего в поту и ознобе под ватным одеялом в лесной хате, попросту пропало. Наступила тишина и мысли пропали.

Стало просто нечему и некому спросить главный вопрос. “А был ли тот Господь?”

Мальчик. Один

Когда пацан проснулся утром, первым делом он метнулся к койке больного деда. Последние дни он ухаживал за стариком, подносил ему питье, давал скудные лекарства, пытался давать еду. Готовил сам что мог и что было – грел консервы, парил крупы в печке. Ел сам когда голод сильно подступал и пытался кормить деда.

Старик лежал на койке, глаза были приоткрыты.

– Дед, деда! – позвал пацан.

Старик не отзывался. Пацан толкнул деда, через одеяло схватил за плечо и начал трясти. Голова качалась, качалась борода. Нет, не спит.

Пацан думал еще очень давно, а что если сегодня спать ляжем, а старик умрет? С дедом страхами не делился, но это было порой тем, что не давало уснуть. Он не переносил все, что связано с мертвыми – не мог видеть похорон, гробовые крышки, венки. Все, что исходило от этого, волей-неволей отдавало ужасом, повергало все внутри него вверх ногами, хотелось скрыться от смерти, живущих как в покойниках, так и в предназначенных для них предметах. Когда он был совсем маленький, на похоронах у бабки, когда все взрослые подходили к гробу для прощания, у него случилась настоящая истерика. Старик сказал ему тогда, что не нужно бояться мертвых, они уже не встанут, но нужно бояться живых. Но на мальчика не действовали такие доводы. В детском саду страшилки на тихом часу от других ребят действовали на него ужасающе. Проходя ритуальные магазины, проезжая с родителями на машине кладбища, видя в парках обелиски и братские могилы солдат, которые погибли в совсем уже давнишней войне, пацан всегда содрогался. Ему на секунду казалось, что мир может меняться,

меняться в другие цвета, становится черным как кружевные платки на головах похоронных старух, тех что вечно больше всех там причитают и темно-бордовым, как обивка на гробах. В этом черно-бордовом мире становится холодно, люди куда-то уходят, из могил выбираются мертвецы, начинают жить своей жизнью, играя в живых, изображая все свои прошлые жизненные привычки. В пасхальные ночи они выпивают оставленные им рюмки водки и чокаются оставленными яйцами, мужчины собирают живые и искусственные цветы, принесенные им и передаривают своим мертвым женщинам, а те, в свою очередь поутру уносят их с собой под землю. А еще могут утаскивать в глубину тех несчастных бомжей, которые рискнули утащить что-то из того, что принесли мертвым в праздничную ночь перекусить их благодарные потомки.

Он иногда видел похороны у родственников в области. Когда родители отвозили его на пару недель погостить к тетке по материнной линии, он коротал времена в тесной хрущевке с троюродными братьями и сестрами. И пару раз удавалось видеть в окне, как перед подъездом разбрасывали елки, потом на табуретках выносили гроб и с пятого этажа было видно желтеющее лицо лежащего в нем на белых подушках. Люди плакали, рвались к красному ящику, из матюгальника на ПАЗике гнусаво неслась противная музыка. Толпа шла впереди медленно едущего ПАЗика, четверо мужиков несли на руках красную коробку с желтым телом, а кто-то еще один тащил на голове крышку, подвязанную белым полотенцем для чего-то. Это было ужасно, противно и просто противоречило всему живому в теле мальчика. В один из таких разов он с троюродным братом выждал час когда все это уйдет и уедет и пошел гулять. Более опытный брат тогда шепотом сказал наступившему на еловую лапу пацану что делать этого нельзя. Наступил на такую елку – тебя найдет покойник и будет ходить каждую ночь. С тех пор разбросанные по асфальту елки вызывали у мальчика рвоту от ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/lobzov_dmitriy/sery-gusi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)